

живаль въ городахъ, но постоянно жилъ въ деревнѣ, и другой жизни не признавалъ. Когда онъ бывалъ въ городѣ со мною, я былъ свидѣтелемъ того, какъ онъ впадалъ въ уныніе, суетливость и даже раздражительность.

Нападая на роскошь въ обстановкѣ и во всемъ вообще, онъ отрицалъ смыслъ и прелесть комфорта, находя вліяніе его на духъ и организмъ растлѣвающимъ. Обстановка въ Яснополянскомъ домѣ всегда была самая простая.

Неприхотливый и неразборчивый на ѣду, онъ не могъ спать на пружинномъ матрацѣ и не любилъ мягкой постели, и спалъ одно время на кожаной подушкѣ.

Одѣвался всегда въ высшей степени просто, дома не носилъ крахмаленныхъ рубашекъ и такъ называемаго нѣмецкаго платья. Костюмъ его — сѣрая фланелевая, а лѣтомъ парусинная, блуза своеобразнаго фасона, которую умѣла шить только одна старуха Варвара изъ Яснополянской деревни. Въ этой же блузѣ Левъ Николаевичъ и на портретахъ, написанныхъ художниками Крамскимъ и Рѣпинымъ. Верхнее платье — кафтаны и полушубки изъ самаго простаго матеріала тоже особеннаго покроя, припоровленнаго отнюдь не къ изяществу, а къ ненастью. Поэтому ими часто пользовались домашніе и гости.

Несмотря на простоту одежды, онъ имѣлъ въ ней видъ очень оригинальный. Художникъ Крамской хотѣлъ даже написать портретъ его въ кафтанѣ на лошади.

Левъ Николаевичъ всегда терпѣть не могъ желѣзныхъ дорогъ. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ часто высказывалъ это отвращеніе. Послѣ ѣзды на желѣзной дорогѣ онъ всегда жаловался на ощущеніе, испытываемое въ ва-